

Сов. молодежь. — Рига — 1990. — 3 янв.

Сергей Овчаров:

«НАРОДНОЕ ИСКУССТВО — МОСТИК МЕЖДУ НАРОДАМИ»

БЛАГОДАРЯ ленинградскому режиссеру Сергею Овчарову у нас появился национальный русский кинематограф. Раньше говорили о грузинском, литовском, украинском кино, а вот русского как такового (не путать с советским), основанного на народных традициях и фольклоре, — не было. Снял «Нескладуху», «Небывальщину», «Левшу» и последний фильм «Оно». Сергей Овчаров стал одним из самых ярких современных режиссеров. К сожалению, его фильмы лучше знают за рубежом. У нас их прокатная судьба весьма печальна.

Недавно в Риге прошла ретроспектива творчества Сергея Овчарова. Наши корреспонденты встретились с режиссером.

— Сергей, как у вас все началось?

— Родители купили мне кинокамеру, правда, долго сомневались, стоит ли это делать. В тринадцать лет я стал кинолюбителем. Потом был Московский институт культуры. Это был первый выпуск режиссеров любительского кино. Нас набирали в качестве режиссеров, а в конце почему-то стали выпускать как руководителей-администраторов студий. Мы возмутились, устроили забастовку и пригрозили отказать от дипломов. В конце концов добились своего. Потом — Высшие режиссерские курсы. Профессиональную деятельность начал с 1979 года. Учась в институте культуры, я снял восемь короткометражек. В институте мы осваивали все кинопрофессии: сами друг у друга были сценаристами, операторами, актерами, художниками.

— Извините за банальный вопрос: вы страдали в годы застоя?

— Вообще мой приход в кинематограф был сопряжен с большими психологическими и даже физическими мучениями. Курсовую работу на «Ленфильме» я снимал, голодая и живя где-то по вокзалам и переговорным пунктам. Я — не ленинградец и в течение месяца не мог попасть на студию. Меня просто не пускали, потому что у меня не было удостоверения. Не пускали делать фильм. Вот так, не имея прописки, без денег, я все же сделал свою первую картину. Когда я работал над ней — это была «Небывальщина», — мне пришлось полностью сменить пять составов съемочных групп. Мне просто вредили, мешали снимать. Сейчас все иначе. Создано большое количество молодежных кинообъединений, «Объединение первого фильма». Можно даже не иметь специального кинематографического образования и делать фильм.

— Но с прокатом все равно не все благополучно...

— Когда я слышу слово «прокат», у меня начинается судорога. Потому что все, что было загублено в нашем кинематографе, — благодаря прокату. Когда я попытался сказать об этом в «Кинопапнораме», то из всей моей гневной речи, с благословения редакторов, оставили одну фразу: «Я человек из

провинции, поэтому ничего не понимаю». А все остальное выбросили в корзину. Варварски обошлись с «Небывальщиной». Госкино эту картину приняло, а прокат уничтожил. Потому что все 10 копий (а обычное их количество — 2000 экземпляров) стерлись, порвались. Картины нет. Есть ведь разные способы загубить фильм: показ в утренние часы, полное отсутствие рекламы и так далее.

— Вы основываете свои фильмы на народном слове, целыми пластами используете фольклорный материал. С чем это связано?

— Фольклор — многоплановое искусство, которое сегодня выражается в каких-то поверхностных проявлениях, формах, не имеющих ничего общего с подлинным искусством. Я сосредоточился на фольклоре, много читал. После «Нескладухи» у меня остался большой творческий материал. Он давил на меня, заставлял сделать «Небывальщину». Раньше смеховая культура — шутки, анекдоты — была известна любому человеку. Сегодня она стала «элитарным» искусством. Мы отделились от смехового воззрения на мир. Наше современное мироощущение слишком насупленное, суровое. Весь юмор в том, что все «измы» родились из крестьянского искусства. Все деформации реалистического искусства вышли из фольклора. Современный авангард — это перепевы созданного. Когда я делал свои фильмы, я предугадывал, что начнутся национальные волнения. Но, по-моему, только фольклор, только народное искусство есть мостик между народами. Не пресное, слащавое, сусальное, а соленое, перченое, ироничное — суть любого народа. Поэтому я обращаюсь к смеховой культуре, именно в этой области лежит та улыбка, самоирония, которых нам так не хватает.

Смеховая культура — это не обязательно смешно, но обязательно остро. Иван Грозный, например, тоже был ярким представителем смеховой культуры. Хотя юмор у него был зловещий, смертоносный. Он даже убивал в рамках этой культуры. Он не просто казнил, он прежде развенчивал своих врагов. Этот царь был еще и замечательным писателем, он подписывался псевдонимом Парфений Юродивый, Девственник Юродивый.

— А вы смогли бы сделать фильм на другом национальном материале?

— Я долгое время жил на Северном Кавказе. Мне предлагают сделать фильм на адыгейском материале. И я совершенно не исключаю такой возможности.

— Три года назад Союз кинематографистов был в авангарде перестройки. Первый из творческих союзов, который не только на словах, но и на деле начал поддерживать обновление жизни. Куда пропал весь мощный импульс лидеров Союза? Почему нет шедевров, нет попросту добротных фильмов?

— Кинематограф захлестнула публицистика, доку-

ментальное кино. А с другой стороны — какая-то придуманная коммерциализация. Придуманная, потому что у нас невозможно сделать коммерческое кино: нет индустрии, нет денег, нет настоящей зрелищной школы.

— Что вам не нравится в советском кино?

— Мне трудно вам ответить. Дело в том, что я — отличный зритель. Иногда на меня ругается жена, что я сижу и смотрю какой-то плохой фильм. Но я-то знаю, что даже самый плохой фильм требует колоссальных

трат. Там огромное количество зрителей-обывателей, готовых жевать пресную кино-резинку. Миром завладело видео. Его можно смотреть дома, не платя денег за билеты. В западных кинотеатрах на многих великолепных фильмах сидит треть зала, и прокатчики еще счастливы.

— На Западе выработался иммунитет на все то отрицательное, что есть в видео: насилие, порнография. У нас же эти страшные зерна попадают на благодатную почву...

— У нас отсутствует та часть института драматургии, которая позволила бы конструировать фильм с точки зрения его зрелищности. У нас нет возможности «взорвать» материал. Нас не учили красиво упаковывать хорошие идеи.

— Ваши литературные пристрастия?

— Я люблю классику. Особенно меня волнует творчество Лескова. По сути это загубленный человек, умирая он писал: «Похороните меня по самому плохому разряду, я плохой, нехороший». Будучи либеральным интеллигентом, он был «затюкан» революционными де-

кто пашет землю. А что крестьянин может быть философом, человеком, достигшим полного совершенства, гармонии с природой и космосом, никто не может и подумать.

— Каким вы видите будущее России?

— Я думаю, что этого будущего я не увижу. Россия непредсказуема, в ней ничего не происходит по материальным законам. Эта территория источает какие-то особые флюиды. По крайней мере, умиротворения не будет.

— Вы бы хотели родиться в другой стране?

— Побывал я в Америке, «покайфовал» в бытовом плане, вкусно поел и попил. Потом наступил странный момент: желание убежать от всего этого. Я вдруг понял, что хочу быстрее домой, потому что там мне гораздо страшнее и интереснее. Это как фильм ужасов: притягивает и отталкивает одновременно. Для обывателя, конечно, там лучше. Но для художника нет более благодатной страны, чем наша — в смысле материала, тем, проблем. По ним ходишь ногами, как по полезным ископаемым.

166

затрат. Мне известно, чего это стоит.

— Как вы думаете, почему наше кино не пользуется популярностью на Западе?

— У зрителей США «марсианское» восприятие, у них совершенно другое мироощущение. Они, например, не понимают, почему положительный герой, всегда поступающий правильно, может вдруг убить. Им трудно понять «достоевщину».

— Однако Достоевский у них довольно известен...

— Только среди узкой касты интеллигенции, кото-

мократами за свои призывы к реформам. Что бы ни говорил Лесков, все вызывало бурю гнева. Хотя это звучит и банально, но наши судьбы в чем-то схожи. Мы никогда не могли никому угодить. Та же «Небывальщина» вызывает нападки со всех сторон. Одни говорят, что это просионистское произведение, другие — что русское националистическое, третьи — космополитическое. Навешиваются нелепые ярлыки. Это, на мой взгляд, полное невежество. Мы привыкли, что крестьянин — это тот,

— Ваши планы на будущее?

— Такое отвращение к производству...

Светлана ЖУРАВЛЕВА,

Марк ГОРФИНКЕЛЬ.